

Константин Душенко

**«ПАРАДОКС О МАНДАРИНЕ»:
ЭТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ЛИТЕРАТУРЕ**

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия*

Аннотация. Формула «Убить мандарина» восходит к роману Бальзака «Отец Горио». Речь идет о преступлении без наказания и видимого кровопролития. Этическая проблема, поставленная философами XVIII в., получила широкую разработку в литературе XIX в., а затем была воспринята позднейшей массовой культурой – чаще всего в игровой форме и скорее в развлекательном, чем в моралистическом плане.

Ключевые слова: Бальзак; Шатобриан; Дидро; Достоевский; литературные сюжеты; нравственные дилеммы.

Поступила: 14.01.20

Принята к печати: 28.01.20

Konstantin Dushenko

The Mandarin Paradox: An Ethical Experiment in the Literature

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Abstract. The formula «To kill a mandarin» goes back to Balzac's novel «Father Gorio». It is a crime without punishment and visible bloodshed. The ethical problem posed by the philosophers of the eighteenth century was widely developed in the literature of the nineteenth century, and

then was perceived by the latest mass culture, most often in a playful way and more entertaining than moralistic.

Keywords: Balzac; Chateaubriand; Diderot; Dostoevsky; literary plots; moral dilemmas.

Received: 14.01.20

Accepted: 28.01.20

Оборот «парадокс о мандарине» (paradoxedumandarin) появился во Франции не позднее 1879 г., а в более ранней форме – «парадокс Руссо» – в 1844 г. Его источником был роман Бальзака «Отец Горио» (1835).

Беглый каторжник Вотрен, наделенный в романе демоническими чертами, предлагает бедному, но амбициозному студенту Растиньяку легкий способ разбогатеть. Он должен позволить Вотрену подстроить убийство на дуэли сына банкира, а затем жениться на сестре убитого, которая унаследует огромное состояние отца и которая уже влюблена в Растиньяка.

Растиньяк отказывается, однако вскоре признается своему товарищу, студенту-медику Бьяншону, что его «изводят дурные мысли». Он спрашивает Бьяншона:

«– Ты читал Руссо?»

– Да.

– Помнишь то место, где он спрашивает, как бы его читатель поступил, если бы мог, не выезжая из Парижа, одним усилием воли убить в Китае какого-нибудь старого мандарина и благодаря этому сделаться богатым?

– И что же?

– Пустяки! Я приканчиваю уже тридцать третьего мандарина.

– Не шути. Слушай, если бы тебе доказали, что такая вещь вполне возможна и тебе остается только кивнуть головой, ты кивнул бы?

– А твой мандарин очень стар? Хотя, стар он или молод, здоров или в параличе, говоря честно... нет, черт возьми!» [Бальзак, 1952, с. 123–124].

Через некоторое время на вопрос Бьяншона: «Ну, как? Убили мандарина?» – Растиньяк отвечает: «Еще нет, но он уже хрипит» [Бальзак, 1952, с. 141].

Как указал Б.Г. Реизов, «парадокс» того же рода встречался в раннем романе Бальзака «Аннета и преступник» (1824; в издании 1836 г.: «Пират Арго»): «Если бы ты одним только взглядом мог убить в Но-

вой Голландии человека, который должен вскоре погибнуть, и так, чтобы никто на свете не знал об этом, и если бы это *полупреступление*, как говоришь ты в сердце своем, доставило тебе *большое* богатство, ты бы сейчас уже жил в *своем* особняке, ездил в *своей* карете <...>! Ты бы повторял, не смущаясь: *такой порядочный человек, как я*» [Реизов, 1960, с. 149]¹.

Вслед за Бальзаком парадокс о мандарине долгое время приписывали Руссо, иногда – со ссылкой на его философский роман «Эмиль, или О воспитании» (1762). Однако в «Эмиле» можно отыскать лишь частичные подобию тематики парадокса о мандарине: «Как часто внутренний голос говорит нам, что, создавая наше благо на счет других, мы делаем зло!»; «Нам помимо воли жаль несчастных; когда мы бываем свидетелями их горя, мы страдаем за них» (кн. IV, раздел «Исповедание веры савойского викария») [Руссо, 1981, с. 341, 343].

В действительности, как было установлено десятилетия спустя после публикации «Отца Горио», «парадокс» появился в книге Рене де Шатобриана «Гений христианства» (1802), ч. 2, кн. 6, гл. 2: «Угрызения совести». В этой главе Шатобриан, полемизируя с «софистами», т.е. философами Просвещения, рассматривает существование совести как доказательство «бессмертия души и существования карающего Бога» [Chateaubriand, 1804, p. 134].

«О совесть! Что ты такое, хотел бы я знать, – всего лишь призрак воображения или же страх наказания? Я спрашиваю себя: “Если б ты мог одним усилием воли убить человека в Китае и унаследовать его имущество в Европе, с абсолютной, сверхъестественной уверенностью, что никто никогда не узнает об этом, ты бы решился на это?” <...> Я готов смягчить ужас этого убийства, предположив, что по моему желанию этот китаец умрет внезапно и безболезненно, что у него нет наследников, что даже для государства его собственность будет потеряна; я могу представить себе, что этот незнакомый мне человек удручен болезнями и скорбями; я могу сказать себе, что смерть для него благо, что он сам призывает ее, что ему осталось лишь одно мгновение жизни. Несмотря на все эти тщетные отговорки, в глубине

¹ В редакции 1836 г. («Пират Арго») изменено: «Если бы вы одним только взглядом могли убить в Новой Голландии человека, который должен вскоре погибнуть, и так, чтобы никто на свете не знал об этом, и если бы это никому не известное преступление доставило вам *большое* богатство, вы не колебались бы ни минуты!» [Balzac, 1837, p. 257].

своего сердца я слышу голос, который столь сильно вопиет при одной мысли о таком предположении, что я ни на миг не могу усомниться в реальности совести» [Chateaubriand, 1804, p. 133–134].

Итак, Шатобриан в своем мысленном эксперименте делает все возможное, чтобы облегчить решение о дистанционном убийстве, включая предположение, что жертве «осталось лишь одно мгновение жизни». (Этого рода аргументация в дальнейшем многократно повторялась и варьировалась.) И все же ответ на поставленный вопрос для христианского мыслителя совершенно очевиден: «Нет!»

Бальзак заменил шатобриановского «человека в Китае» «мандарином» – словом с более «яркой» семантикой¹, а главное – включил «парадокс» в художественную ткань романа, для героев которого вопрос о судьбе мандарина оказывается насущной моральной проблемой. Как замечает немецкий исследователь Йенс Херльт, «именно роман является адекватным литературным жанром для практического исследования этого морально-философского эксперимента. <...> Мир романа охватывает весь спектр моральных возможностей <...>» [Херльт, 2019, с. 45].

Попутно заметим, что, согласно одной из версий, источником выражения «убить мандарина» был не роман Бальзака, а заключительное двустихие сатирического куплета времен Фронды (1648), где имя ненавистного кардинала Мазарини (Mazarin) заменено, осторожности ради, словом «мандарин»: «Pour avoir du pain et du vin, / Il faut tuer le mandarin» – «Чтобы хлеб и вино получить, / Мандарина нужно убить». Эта версия, появившаяся в 1893 г. [Joliet, 1893, p. 208], была принята в ряде справочников, но, по-видимому, не имеет документального подтверждения и представляет собой лишь этимологическую легенду.

Хотя «парадокс» первым сформулировал Шатобриан, у него были предшественники среди моралистов и философов XVII–XVIII вв. Жан де Лабрюйер писал: «Каждый считает себя наследником должностей, титулов и достояния своего ближнего и, движимый этой корыстной мыслью, всю жизнь невольнo и тайно желает другому смерти» («Характеры» (1687–1694), VI, 70) [Лабрюйер, 1974, с. 294].

Еще ближе к проблеме, поставленной Шатобрианом, подошел Дени Дидро, прежде всего в «Разговоре отца с детьми» (1773), где на ряде примеров поставлен вопрос об эмпирической основе морали [указано в работе: Delon, 2013]. Вот первый из этих примеров.

¹ О возникновении двух значений этого слова см.: [Будагов, 1968, с. 79–80].

Нотариус должен ввести в наследство родственников умершего священника, давно уже впадших в глубокую нищету. Но в сундуке со старыми бумагами обнаруживается очень давнее завещание, по которому наследство целиком переходит к семейству богатых парижских издателей. Нотариус не сомневается, что завещание было составлено в минуту раздражения: покойный даже не отвечал на письма к нему парижских издателей, т.е. питал к ним полное равнодушие; вероятно, завещание оказалось в сундуке с бумажным хламом как раз потому, что священник отказался от намерения обездолить родственников. Душеприказчики покойного давно умерли, и о завещании не знает ни одна живая душа. Нотариус оказывается перед моральной дилеммой: что правильнее – бросить старую бумагу в огонь, избавив от нищеты десятки людей, или следовать букве закона?

Речь в «Разговоре...» идет о том, можно ли преступить закон ради высшей справедливости, а также о механизмах угрызений совести. Один из этих механизмов – сочувствие к чужому страданию и чужой боли, лежащее в природе человека (т.е. эмпатия), другой – страх перед позором и наказанием.

«...Быть может, расстояние и время обладают способностью ослаблять всякие чувства, всякое раскаяние, даже вызванное преступлением. Убийца, перенесясь на побережье Китая, находится слишком далеко, чтобы видеть окровавленный труп, оставленный им на берегу Сены. Угрызания совести, может статься, возникают не столько от отвращения к себе, сколько от страха перед людьми, не столько от стыда за поступок, сколько в связи с позором и наказанием, которые воспоследуют, если преступление раскроется». Так или иначе, «от своей совести не уедешь». «Дни злодея полны тревог. Только порядочный человек знает покой. Он один живет и умирает безмятежно» [Дидро, 1937, с. 37].

Те же мысли Дидро высказывал в более раннем «Письме о слепых» (1749): «Я не сомневаюсь, что, не будь страха наказания, многие люди способны были бы так же легко убить человека на таком расстоянии, где он казался бы им величиной с ласточку, как заколоть собственноручно быка. И не тем же ли принципом руководствуемся мы, когда испытываем сострадание к мучающейся лошади и свободно, без всяких угрызений совести, раздавливаем муравья?» [Дидро, 1935, с. 231–232].

По мнению В.А. Туниманова, в «Отце Горио» Растиньяк отказывается от согласия на преступление потому, что его «удерживает *голос*

сердца и вера в Бога». В подтверждение приводится цитата из «Отца Горио»: «Быть может, только те, кто верит в Бога, способны делать добро не напоказ, а Растиньяк верил в Бога» [Туниманов, 2004, с. 312]. Однако, как заметил уже Б.Г. Реизов, Растиньяк фактически вступает на путь «убийства мандарина», и спасает его только счастливый случай, т.е., в сущности, чудо, совершенное романистом.

Между тем Бьяншон, без особых раздумий отвечающий «нет», – материалист и атеист. Это классический тип светского подвижника, каких было немало в XIX в. На протяжении всей «Человеческой комедии» именно он более других «делает добро не напоказ». Его аргументацию в разговоре о мандарине вполне мог бы принять атеист Дидро: «Человеческие склонности находят и в пределах очень маленького круга такое же полное удовлетворение, как и в пределах самого большого. Наполеон не съедал двух обедов и не мог иметь любовниц больше, чем студент-медик, живущий при Больнице капуцинов. Наше счастье, дорогой мой, всегда будет заключено в границах между подошвами наших ног и нашим теменем, – стоит ли оно нам миллион или сто лудиров в год, наше внутреннее ощущение от него будет совершенно одинаково» [Бальзак, 1952, с. 124]. Тут проявилась высшая объективность Бальзака как художника: созданный им образ опровергает его же сентенцию, а также доводы Шатобриана о неразрывной связи между нравственным поведением и верой в Бога и бессмертие души¹.

Американский филолог Эрик Хейот указал еще одну параллель к высказыванию Шатобриана. Речь идет о последнем, VI издании трактата Адама Смита «Теория нравственных чувств» (1790), ч. 3, гл. 3: «О влиянии и авторитете совести». Здесь, как и у Дидро, рассматривается влияние географической дистанции на нравственное сознание².

«Предположим, – пишет Смит, – что обширная Китайская империя с ее миллионным населением внезапно проваливается вследствие

¹ Ниже мы еще будем говорить о романе Достоевского «Преступление и наказание», где в распределении ролей персонажей бальзаковскому Бьяншону соответствует Разумихин – представитель разночинцев-«шестидесятников», в массе своей неверующих.

² О влиянии временной дистанции на нравственное сознание писал Руссо: «Что мне за дело до преступлений Катилины? Разве я боюсь быть их жертвой? Почему же он внушает мне такой же ужас, как если он был моим современником?» («Эмиль», раздел «Исповедание веры савойского vicария») [Руссо, 1981, т. 1, с. 343].

землетрясения, и посмотрим, какое впечатление произведет это ужасное бедствие на самого человеколюбивого европейца, не находящегося ни в каких отношениях с этой страной. Я полагаю, что он прежде всего опечалится таким ужасным несчастьем целого народа; он сделает несколько грустных размышлений о непрочности человеческого существования и суете всех замыслов и предприятий человека, которые могут быть уничтожены в одно мгновение. <...> ...Выразив все, что было вызвано его человеколюбием, он опять обратится к своим делам и к своим удовольствиям или же отдастся отдохновению с таким спокойствием и равнодушием, как будто катастрофы вовсе и не случилось. Малейший случай, касающийся его лично, оказал бы на него большее впечатление: если бы на следующий день ему должны были отрезать палец, то он не спал бы целую ночь; и если только землетрясение угрожает не той стране, в которой он живет, то гибель многих миллионов людей не нарушит его сна и менее опечалит его, нежели самая ничтожная личная неудача¹. Но имеем ли мы право сказать, что для предупреждения этой неудачи человек, одаренный хоть небольшим состраданием, пожертвовал бы жизнью миллиона людей, лишь бы они погибли не на его глазах? Одна подобная мысль приводит в ужас²» [Смит, 1997, с. 141–142].

«Учитывая, что Шатобриан начал писать “Гения христианства” в 1799 году, находясь в Англии, источником интересующего нас фрагмента был скорее Смит, чем Дидро», – полагает Хейот [Hayot, 2009, р. 5]. Это мнение не кажется нам убедительным. И содержательно, и текстуально Шатобриан гораздо ближе к Дидро, чем к Смицу, а в «Опытах об английской литературе» Шатобриана (1836) Адам Смит упомянут только в связи с его трудами по политической экономии [Chateaubriand, 1843, р. 223].

¹ Этот пассаж, в свою очередь, восходит к высказыванию Давида Юма: «Я ни в коей мере не вступлю в противоречие с разумом, если предпочту, чтобы весь мир был разрушен, тому, чтобы я поцарапал палец. Я не вступлю в противоречие с разумом и в том случае, если решусь безвозвратно погибнуть, чтобы предотвратить малейшую неприятность для какого-нибудь <...> совершенно незнакомого мне лица» («Трактат о человеческой природе» (1739), II, 3, 3) [Юм, 1996, т. 1, с. 557].

² Почти на тот же вопрос, но совершенно иначе отвечает «подпольный человек» Достоевского: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» («Записки из подполья» (1864), II, 9) [Достоевский, 1972, с. 174].

Мысленный этический эксперимент, отчасти родственный «парадоксу о мандарине», мы находим уже у Платона, во II книге его трактата «Государство». Здесь (359 b–360 d) софист Главкон, обсуждая с Сократом проблему добра и зла, развивает взгляды софиста Фрасимаха (конец V в. до н.э.). Софисты учили об относительности нравственных норм; именно поэтому Шатобриан именовал «софистами» философов Просвещения.

Справедливость, утверждает Главкон, ценят не потому, что она сама по себе благо, а лишь потому, что люди не могут безнаказанно творить несправедливость. «Это мы всего легче заметим, если мысленно сделаем вот что: дадим полную волю любому человеку, как справедливому, так и несправедливому, творить все что ему угодно, и затем понаблюдаем, куда его поведут его влечения. Мы поймаем справедливого человека с поличным: он готов пойти точно на то же самое, что и несправедливый <...>» [Платон, 2007, т. 3, ч. 1, с. 144].

И далее Главкон рассказывает легенду о лидийском пастухе Гиге, который случайно нашел перстень, позволявший стать невидимым. «Поняв это, он сразу повел дело так, чтобы попасть в число вестников, окружавших царя. А получив к царю доступ, Гиг совратил его жену, вместе с ней напал на него, убил и захватил власть». Отсюда делается вывод: «Если бы было два таких перстня – один на руке у человека справедливого, а другой у несправедливого, тогда, надо полагать, ни один из них не оказался бы настолько твердым, чтобы остаться в пределах справедливости и решительно воздержаться от присвоения чужого имущества и не притрагиваться к нему, хотя каждый имел бы возможность без всякой опаски брать что угодно на рыночной площади, проникать в дома и сближаться с кем вздумается, убивать, освобождать из заключения кого захочет – вообще действовать среди людей так, словно он равен богу» [Платон, 2007, т. 3, ч. 1, с. 145].

Шатобриан должен был знать легенду о Гиге: «Государство» Платона входило в разряд обязательного чтения образованного европейца. Вероятно, знал ее и Герберт Уэллс; сходство сюжета романа «Человек-невидимка» с легендой о лидийском пастухе очевидно.

В 1839 г. Алида де Савиньяк, сотрудница парижского «Журнала для девушек», изложила свою версию парадокса о мандарине: «Один философ где-то сказал: если бы самый порядочный из людей знал, что в Китае есть незнакомый ему мандарин, <...> чье огромное богатство достанется ему, стоит ему пожелать смерти мандарина, этот порядочный человек не устоял бы перед искушением убить несчастного ки-

тайца не один, а целых десять раз, если бы тот всякий раз восставал из могилы, как дьявол в фарсе о Полишинеле» [Savignac, 1839, т. 7, р. 217]. В той же статье едва ли не впервые встречается оборот «убить мандарина» (*tuer le mandarin*).

В романе Дюма-отца «Граф Монте-Кристо» (1844) парадокс о мандарине становится идейным обоснованием вполне реальных убийств. В III части романа (гл. 14: «Токсикология») главный герой выступает в роли провокатора, устраняя последние сомнения госпожи де Вильфор, уже почти готовой на преступление:

«Темная сторона человеческой мысли целиком выражается в известном парадоксе Жан-Жака Руссо – вы знаете? – “Мандарин, которого убивают за пять тысяч миль, шевельнув кончиком пальца”. Вся жизнь человека полна таких поступков, и его ум постоянно порождает такие мечты. Вы мало найдете людей, спокойно всаживающих нож в сердце своего ближнего или дающих ему, чтобы сжить его со света, такую порцию мышьяку, как мы с вами говорили. Это действительно было бы эксцентрично или глупо. Для этого необходимо, чтобы кровь кипела, чтобы пульс неистово бился, чтобы вся душа перевернулась. Но, если, заменяя слово, как это делается в филологии, смягченным синонимом, вы производите простое устранение; если, вместо того чтобы совершить гнусное убийство, вы просто удаляете с вашего пути того, кто вам мешает, и делаете это тихо, без насилия, без того, чтобы это сопровождалось страданиями, пытками, которые делают из жертвы мученика, а из вас в полном смысле слова кровожадного зверя; если нет ни крови, ни стонов, ни судорог, ни, главное, этого ужасного и подозрительного мгновенного конца, то вы избегаете возмездия человеческих законов, говорящих вам: “Не нарушай общественного спокойствия!”».

«А совесть?» – спрашивает госпожа де Вильфор, словно бы вспоминая об аргументации Дидро и Шатобриана. Монте-Кристо устраняет это препятствие с циничным сарказмом: «Да, к счастью, существует совесть, иначе мы были бы очень несчастны. После всякого энергичского поступка нас спасает наша совесть; она находит нам тысячу извинений, судьями которых являемся мы сами; и хоть эти доводы и сохраняют нам спокойный сон, они, пожалуй, не охранили бы нашу жизнь от приговора уголовного суда» [Дюма, 1990, т. 1, с. 635–636]. Монте-Кристо остается лишь снабдить свою собеседницу, которая «жадно упивалась этими <...> циничными парадоксами», смертельным, не поддающимся обнаружению ядом.

В 1850 г. парадокс о мандарине появился в англоязычной литературе – в романе шотландского писателя Джеймса Хэнни «Синглтон Фонтенуа», гл. 6:

«– Что до меня, то я уже готов убивать мандаринов.

– Убивать мандаринов!

– Да. Разве ты не читал неподражаемого Бальзака? Он ставит вопрос: можно ли убить мандарина в Китае и получить целое состояние, просто пошевелив мизинцем. <...> Скажу откровенно: я мастак по части мандаринов.

– Идея весьма философская, и вполне в духе времени. <...> Так ты действительно убил бы мандарина?

– А ты разве нет? <...>

– Не знаю. Думаю, что нет.

– Мы все так поступаем, <...> и за гораздо меньшие суммы, чем у Бальзака. Парламент так поступает. Так поступают все» [Hannaу, 1850, p. 92].

Без пояснений, как общеизвестное, выражение «убить мандарина» употреблено в романе Мэри Элизабет Брэддон «Арендатор сэра Джаспера» (1865–1866): «Может показаться, что убить мандарина легко, если достаточно лишь пожелать этого, а убийцу от жертвы отделяет все пространство между Европой и Азией» [Braddon, 1866, vol. 2, p. 250].

В 1855 г. в Париже был поставлен водевиль Анри Монье и Эдуара Мартена «Убил ли ты мандарина?». В сцене II происходит следующий диалог:

ПРОКОП. ...У меня не осталось жалости ни к кому... Завтра же я убью мандарина.

МАКСИМ. Убить мандарина? О чем ты?

ПРОКОП. Убить мандарина – это значит быть готовым на все, чтобы разбогатеть, сохраняя только видимость приличий. [Толкование выражения дано здесь впервые. – К. Д.] <...> Ты разве никогда не читал Жана Жака? Что ж, послушай, что говорит этот друг человечества: «Если бы можно было, просто нажав шишечку [de pousser un bouton], убить богатого человека, живущего в самой сердцевине Китая, – человека, которого ты никогда видел и о котором никогда не слышал, и стать его наследником... кто из нас не нажал бы на шишечку и не убил бы этого мандарина?..» [Monnier, Martin, 1855, p. 6]

Слово 'bouton' мы, вслед за Львом Толстым, переводим как 'шишечка'. В то время его основными словарными значениями были 'бу-

тон', 'пуговица', 'круглая дверная ручка'; последнее значение реализуется в III сцене водевиля. В английском переводе («A Case of Conscience», 1857) в I действии 'bouton' переведено как 'aspring' (пружин (к) а), в III действии – the knob of the bell – круглая дверная ручка [Princess's, 1857].

В XX в. отсюда возникло выражение «le bouton du mandarin» – «кнопка (для убийства) мандарина».

В III сцене Максим борется с искушением «убить мандарина» и заранее подыскивает себе оправдания: «Убирайся к чертям, гражданин Женева [т.е. Руссо. – К. Д.!] Хотя, будь это правдой... “Убить мандарина” – это мне нравится. <...> О дьявол! О негодяй! Ты внушаешь мне адские мысли... <...> Какой-то китаец... ведь это не человек, это жестокая обезьяна...» [Monnier, Martin, 1855, p. 7].

Как видим, Максим идет по пути создания отталкивающего образа жертвы – как существа совершенно чужого и чуждого. Этот мотив будет многократно повторен впоследствии.

В 1857 г. появилось печатное издание песни шансонье Луи Прота (L. Protat) «Убьем мандарина!» («Tuons le mandarin»). Эпиграфом к песне послужила цитата о мандарине из водевиля 1855 г. с подписью: «Жан Жак Руссо».

В 1860 г. парадокс о мандарине стал сюжетом самостоятельного произведения – новеллы Огюста Витю «Мандарин» из его сборника «Сказки на ночь». Метафора Шатобриана – Бальзака здесь реализуется; тем самым повествование переводится в фантастический план.

Герой новеллы Жорж д'Обремель стоит на пороге полного разорения: «Завтра, в десять часов, судебные приставы заберут у меня все». «О, великий человек! – он продолжил, взяв лежавшую рядом открытую книгу, – великий философ, которого невежды именуют софистом! О! ты выразил глубоко правдивую мысль, когда писал эти строки, которых я никогда не перечитывал без ужаса: “Предположим, в Китае, в трех тысячах лиг от вас, в сказочной стране, живет мандарин – человек, которого вы никогда не увидите; предположим, кроме того, что смерть этого мандарина, этого химерического существа, обогатит вас на миллион, и что вам достаточно здесь, во Франции, поднять палец, чтобы он умер, и никто никогда не потревожит вас в связи с этим, – скажите, что бы вы сделали?”» «Разве Бьяншон, великий материалист, <...> не признается другу в том, что приканчивает уже тридцатого мандарина?» [Vitu, 1860, p. 7].

Взгляд Жоржа падает на каминную полку, где стоит китайская фарфоровая фигура. «Возможно, это портрет мандарина. <...> Если хорошенько поразмыслить над уродством этого тупоумного народа, нашлось бы немало смягчающих обстоятельств для тех, кто убивает мандаринов» [Vitu, 1860, p. 9].

В ночь на 12 января 1840 г. герой решает на мысленное убийство мандарина. Обнаружив в газете заявление, подписанное комиссарами императорского Китая по имени Лин, Лу, Лун и Ли, он произносит заклинание: «Если смерть мандарина Ли сделает меня богатым и могущественным, что бы ни случилось, я хочу смерти мандарина Ли!» [Vitu, 1860, p. 10]. В ту же минуту фарфоровый китаец падает с полки, а герой узнает из газет, что 12 января 1840 г. мандарин Ли скончался и между Англией и Китаем начались военные действия, поскольку Ли один уравновешивал влияние сторонников войны. В Кантоне убиты несколько английских коммерсантов, в их числе дядя Жоржа, владелец огромного состояния. Жорж становится богатым человеком и счастливым женихом. Однако убитый мандарин является ему наяву – и при вручении унаследованных денег, и в решающую минуту свадебной церемонии. Жорж уже готов покончить жизнь самоубийством, но убитый мандарин является ему снова и прощает его. Отныне Жорж посвящает свою жизнь и свое состояние делу помощи обездоленным.

Однако концовка новеллы не столь благостна: Жорж узнает, что «правитель Срединного царства конфисковал собственность семьи Ли, госпожа Ли умерла от страданий и нищеты, а их сын, позволивший себе обвинить прославленного императора в суровости, был задушен» [Vitu, 1860, p. 22].

В сугубо нравоучительном плане трактуется парадокс о мандарине в повести Анри Врино «Наследник мандарина» (1863), опубликованной под псевдонимом Урбен Дидье в одном из католических журналов. Мелкий парижский чиновник Шарль Римбе, читая на ночь Руссо, наталкивается «на то место, где Жан Жак спрашивает, многие ли устоят перед искушением получить состояние, если для этого достаточно было бы пожелать смерти какого-нибудь никому не известного мандарина в Китайской империи» [Didier, 1864, p. 12]. Римбе, воспитанный в духе «философских теорий прошлого века» [Didier, 1864, p. 93], начинает обдумывать эту мысль:

«Вот необычная проблема. <...> До чего же заманчиво! С другой стороны, убить мандарина, черт возьми, это серьезно! Но, в конце концов, речь ведь идет не об убийстве, убийство действительно было

бы ужасно. – Шарль вздрогнул, но пожелал ему смерти. – И потом, какой-то там мандарин – точно ли он такой же человек, как и мы? Гм... это по меньшей мере сомнительно... Будь он французом, соотечественником – никогда! – произнес он твердым голосом и делая благородный жест, – никогда! Европейец – о нет! Мы могли видеть друг друга, встретиться где-то, как знать?.. Но китаец!» [Didier, 1864, p. 13]. В конце концов он решает, что за сто тысяч франков он бы убил мандарина – разумеется, только мысленно.

Ночью ему снится кошмарный сон: он видит себя в Китае на берегу Хуанхэ – Желтой реки, названной так потому, что в ней течет чистое золото. Но когда он собирается наполнить ведро этим золотом, огромный мандарин преграждает ему путь; Шарль бросается на него и душит своими руками.

На другой день он получает письмо из Китая от своего кузена, католического миссионера. В письме сообщается, что обращенный в католичество мандарин Тьен-Фу, умирая, завещал Шарлю свое состояние – сто тысяч франков в пересчете на французские деньги. Миссионер при этом выражает надежду, что Шарль исполнит заветные желания покойного китайца-христианина.

Шарль успокаивает свою совесть тем, что его тайные желания тут ни при чем – это дело чистого случая, но все же решает пожертвовать часть своих доходов на благотворительность. Однако его возлюбленная, истинная католичка, убеждает его, что этого недостаточно – чтобы выполнить заветные желания завещателя, ему нужно самому стать миссионером, пусть не в Китае, а в бедных кварталах Парижа. Действительно, в этом качестве Шарль заново обретает себя, чудесным образом изменяется к лучшему и женится на любимой девушке.

В сатирическом очерке Альфреда Дельво «Наследник мандарина: Дневник бедняка, ставшего богачом» (1867) рассказчик неведомо от кого получает миллионное состояние, но не справляется со своей новой ролью.

В 1873 г. увидела свет новелла Армана де Понмартена «Мандаринша». Герой новеллы, маркиз де Сернак, живет в мире своих фантазий. «Постепенно он <...> свыкся с ролью некоего анонимного героя, не знающего ни ответственности, ни обязанностей, отвергающего законы <...>. Красноречивый софизм, грандиозное убийство, неслыханное прелюбодеяние представлялись ему курьезами, на которые следовало взирать с уважительным удивлением, прежде чем осуждать их» [Pontmartin, 1873, p. 14]. Маркиза де Сернак погибает в огне в резуль-

тате несчастного случая, вероятность которого маркиз заранее предполагал, но не сделал ничего, чтобы предотвратить гибель жены. В конце концов угрызения совести сводят его с ума. В финале цитируется диалог Растиньяка с Бьяншоном о мандарине, а заканчивается новелла фразой: «Несчастный маркиз Альберик де Сернак, пленник воображения, убил свою мандариншу» [Pontmartin, 1873, p. 63].

С 1870-х годов выражение «убить мандарина» включается в толковые словари. Словарь Эмиля Литтре (1874) дает следующее определение: «Совершать дурные поступки в надежде, что они никогда не станут известны» [Littré, 1878, t. 6, p. 1081]. Литтре поставил авторство Руссо под сомнение, а в качестве предшественника Бальзака указал Шатобриана, со ссылкой на филологический журнал «Le courrier de Vaugelas» от 1 октября 1876 г.

Однако Дидье Лубен в «Поговорках и выражениях французского языка» (1888) по-прежнему ссылается на Руссо: «Убить мандарина – совершить дурной поступок с почти полной уверенностью, что о нем никогда не станет известно. Объяснение этого пословичного выражения можно найти в “Эмиле” Жана Жака Руссо, который высказал эту мысль» [Loubens, 1888, p. 263].

Это выражение приписывали также Вольтеру. Эдуар де Помпери в своей биографии Вольтера (1867) приводит следующую, явно анекдотическую историю. Любовница Вольтера Эмили дю Шатле, играя в карты в придворном обществе, проиграла все, что у нее было, потом все, что было у Вольтера, а потом, уже под честное слово, еще 84 000 ливров. Тогда Вольтер тихо сказал ей по-английски: «Вы так захвачены игрой, что не видите, что вас обманули и обокрали. Там, где ведут большую игру, всегда обманывают, и при дворе тоже. Когда можешь в одно мгновение разбогатеть или впасть в нищету, очень немногие способны устоять перед искушением *убить мандарина*» [Pompery, 1867, p. 126].

В 1880 г. португальский писатель Эса де Кейрош опубликовал философскую повесть в стиле Вольтера под заглавием «Мандарин». Здесь парадокс о мандарине представлен в социально-сатирическом и пародийном плане. Многие сюжетные линии выглядят пародией на новеллу Огюста Витю «Мандарин» и повесть Анри Врино «Наследник мандарина», хотя повесть Врино, весьма слабая в художественном отношении, не получила сколько-нибудь заметного отклика в печати и едва ли был знакома де Кейрошу.

В одном из ветхих фолиантов герой читает о мандарине, живущем в самом сердце Китая. «Ты его не знаешь, не знаешь ни его имени, не видел ни лица его, ни шелка, который он носит. Но для того чтобы ты смог завладеть его несметными богатствами, достаточно позвонить вот в этот лежащий на твоем столе колокольчик. Мандарин испустит дух в пределах своих Монгольских владений, он умрет, а ты – ты у своих ног увидишь столько золота, сколько не снилось даже самому ненасытному скупцу. Ну так, простой смертный, читающий эти строки, позвонишь ли ты в колокольчик?» [Эса де Кейрош, 2002, с. 435].

Герой звонит в колокольчик, после чего ему представляется, что он видит в Китае только что умершего старого мандарина. Через некоторое время он через банк получает наследство мандарина. Время от времени ему является призрак умершего мандарина. Герой отправляется в Китай, чтобы поделить наследство с семейством мандарина, впавшим в нищету, но его грабит городская толпа, прослышавшая о привезенных им богатствах. Герой возвращается в Португалию, Призрак продолжает к нему являться. Повесть завершается завещанием героя, в котором пародируется раскаяние, обязательное в нравоучительной повести:

«Я чувствую, что умираю. Завещание уже написано. Все мои миллионы я оставляю дьяволу: они его, пусть их востребует и ими распорядится.

А вам, люди, я оставляю следующие строки: “Вкусен лишь тот хлеб, который добыт трудами собственных рук: никогда не убивай мандарина!” Думаю, что эти слова пояснений не требуют.

И все же больше всего меня, испускающего последний вздох, утешает та мысль, что если бы ты, читатель, – создание божие и столь же несовершенное, сколь несовершенна глина, мне подобный и мой брат, – мог бы так же просто, как я, уничтожить мандарина и унаследовать его богатство, то с севера до юга и с востока до запада, от Великой стены до самых вод Желтого моря, короче, во всей Китайской империи уже давным-давно не осталось бы в живых ни одного мандарина!» [Эса де Кейрош, 2002, с. 503].

В романе Фелисьена Шампсора «Мандарин» (1895) бедный молодой адвокат, одержимый страстью к богатству, подстраивает «идеальное убийство» [Nanotte-Zawisłak, 2019, p. 17–18].

Вторая редакция романа Шампсора вышла в 1902 г. под заглавием «L'Arriviste», что обычно переводится как «Выскочка», хотя французское «l'arriviste» имеет более узкое значение: «человек, стремящийся

преуспеть любой ценой, амбициозный и беспринципный» [Le Petit Larousse, 2007, p. 111]. В 1901 г. Анри Шато опубликовал сатирический роман-эссе «Руководство для выскочек». Один из заключительных советов «Руководства...» гласил: «Он [выскочка] должен быть готов убить мандарина в любую минуту – еще лучше, если он в состоянии заставить его страдать и получать от этого удовольствие» [Chateau H., 1901, p. 234].

В романе Жака Сиго «Убьем мандарина» (1899) «убийство мандарина» выступает в качестве решающего испытания в карьере выскочки. Либо его совесть отвергнет убийство, либо смерть «мандарина» станет началом головокружительной карьеры. Герой романа Сиго не выдерживает испытания [Hanotte-Zawiślak, 2019, p. 19].

Еще одну версию парадокса о мандарине мы находим в новелле английского писателя Арнольда Беннета «Убийство мандарина» (1907). В доме богатого коммерсанта Чарльза Чесвардина заходит разговор об убийстве:

«– Убийство вовсе не такая уж невозможная вещь, как это может показаться. Всякий человек способен совершить убийство. <...> Предположим, что стоит какому-нибудь англичанину подумать об этом, пожелать этого – и он сможет убить любого мандарина в Китае, стать богачом, и никто об этом ничего не узнает. Сколько же тогда к концу недели останется в Китае мандаринов?

– Не к концу недели, а даже через двадцать четыре часа, – мрачно сказал Чесвардин.

– Ни одного, – заявил Вудраф» [Беннет, 1965, с. 101–102].

У жены Чарльза Веры есть все: богатый муж, прекрасный дом, красота, положение в обществе. Недостает ей только серебряного пояса для нового бального платья. Вера знает, что муж, выдающий ей деньги на личные прихоти раз в три месяца, не согласится на этот расход, поэтому посреди ночи она начинает подыскивать оправдания мысленному убийству мандарина. «Говорят, что китайские мандарины – мерзкие, развращенные люди; что они притесняют бедняков и подвергают пыткам невинных людей; короче говоря, все они – грешники и негодяи, не заслуживающие пощады. В Китае <...>, без сомнения, есть какой-нибудь незначительный мандарин, чья смерть была бы лишь благодеянием для всей округи, и убить его – лишь сделать доброе дело. Возможно, у него нет ни семьи, ни жены, и о нем не будут горевать даже родственники; или, напротив, мандарин-многоженец, заслуживающий наказания за свои грехи. Это может быть, в конце

концов, мандарин старый, умирающий; или, наоборот, молодой, только начинающий свою гнусную деятельность!

<...> Итак, она убила мандарина, убила, лежа в собственной постели; не какого-то определенного мандарина, а вообще какого-то, наиболее подходящего для данного случая. Она преднамеренно желала ему смерти в надежде заполучить его богатства, или, скорее, потому, что ей не хватало четырнадцати шиллингов и пяти пенсов, чтобы блистать на балу» [Беннет, 1965, с. 105–106].

Утром Вера находит в ящике своего туалетного столика однофунтовую монету, а затем читает в газете о смерти видного китайского чиновника по имени Ли Хун-Чан. Вера чувствует угрызения совести и в то же время сожалеет о том, что не догадалась пожелать настоящего богатства за смерть мандарина.

В финале оказывается, что монету намеренно оставил в ящике туалетного столика Чарльз, чтобы проверить честность прислуги, что умерший чиновник не был мандарином и что умер он еще до разговора о мандаринах. «“Какое глупое суеверие! – вдруг подумала Вера. – Впрочем, я никогда всерьез не верила в это”. И она с удовольствием поглядела на свой новый пояс» [Беннет, 1965, с. 111].

В начале XX в. философ-эссеист Ален (Эмиль Шартье) распространил парадокс о мандарине на общество в целом: «Каждый человек каждую минуту убивает мандарина; а общество – это чудесная машина, которая позволяет хорошим людям быть жестокими, не замечая того» («О счастье», запись в дневнике 27 декабря 1910 г.) [цит. по: Delon, 2013].

В разгар Первой мировой войны к парадоксу о мандарине обратился Зигмунд Фрейд: «...Многие мыслители, на которых не мог повлиять психоанализ, довольно ясно указывали на готовность наших тайных мыслей, не считаясь с запретом убийства, устранять все, что стоит у нас на пути. <...> Выражение “Tuer son mandarin” [“Убить своего мандарина”, *фр.*] вошло <...> в поговорку для обозначения этой тайной готовности также и у ныне живущих людей» (эссе «В духе времени о войне и смерти», 1915) [Фрейд, 2007, т. 9, с. 58].

С этого времени выражение «Убить своего мандарина» цитируется в работах по психоанализу. Между тем в этой форме оно почти не встречалось во Франции XIX в.; единственное известное нам исключение – рецензия на новеллу А. Витю «Мандарин» в парижском «Литературно-драматическом ежегоднике» за 1861 г. Новелла названа здесь «весьма оригинальным развитием старого парадокса, выражен-

ного поговоркой “убить своего мандарина”» [M. Ulbach ..., 1861, p. 152].

По свидетельству *Теодора* Рейка, ученика Фрейда, в мае 1929 г. Фрейд в письме к Рейку просил его выяснить, в каком произведении Руссо встречается эта фраза. Сам Рейк впервые услышал ее в Париже в 1911 г.: речь шла «о служащем, чей начальник был стар, и молодой человек надеялся унаследовать его место» [Reik, 1965, p. 24].

Среди сюжетов, родственных сюжету о мандарине, следует выделить сюжет новеллы английского писателя Уильяма Джекобса «Обезьянья лапа» (1900). Мистер Уайт получает обезьянью лапу, которая, по рассказам, способна выполнить любые три желания своего владельца. Следуя совету сына, он выражает желание получить 200 фунтов стерлингов, чтобы расплатиться с ипотекой за дом. На другой день супруги Уайты узнают, что их единственный сын погиб в результате ужасной аварии, а в качестве компенсации фирма выплатит им 200 фунтов. Неделю спустя после похорон, глубокой ночью, жена Уайта в отчаянии просит обезьянью лапу вернуть ей сына, и некоторое время спустя дверь дома начинает сотрясаться с ужасающим грохотом. Уайт успевает схватить талисман и загадать третье желание, после чего пришелец (т.е. вернувшийся с кладбища мертвец) исчезает [Jacobs].

Этот сюжет, подобно сюжету о мандарине, можно рассматривать как вариацию старинного сюжета о договоре с дьяволом. «Обезьянья лапа», в свою очередь, породила множество переделок, подражаний, пародий, инсценировок и экранизаций.

Выражение «убить мандарина» не стало крылатым в других языках, кроме французского. Любопытно, что в раннем переводе «Отца Горио» (журн. «Библиотека для чтения», 1835; пер. А.Н. Очкина) разговор Растиньяка с Бьяншоном о мандарине изъят целиком; та же участь постигла многие другие места романа, которые, по мнению редактора – Осипа Сенковского, – могли быть восприняты как безнравственные [Туниманов, 2004, с. 309].

Наиболее известный в России пример цитирования парадокса о мандарине содержался в статье Льва Толстого «О голоде» (1891), где «парадокс» приписан Вольтеру:

«Вольтер говорит, что если бы можно было, пожав шишечку в Париже, этим нажатием убить мандарина в Китае, то редкий парижанин лишил бы себя этого удовольствия.

Отчего же не говорить правду? Если бы, пожавши пуговку в Москве или Петербурге, этим пожатием можно было убить мужика в Царевококшайском уезде и никто бы не узнал про это, я думаю, что нашлось бы мало людей из нашего сословия, которые воздержались бы от пожатия пуговки, если б это могло им доставить хоть малейшее удовольствие» [Толстой, 1954, т. 29, с. 108].

Эта мысль развивается в наброске, не включенном в статью: «Мы знаем, что парижанин не воздержится от пожатия пуговки для забавы, потому что между ним и китайцем нет ни духовной связи сознания братства, ни материальной связи воздействия вида страдания умирающего мандарина» [Толстой, 1954, т. 29, с. 87]. Последнее замечание, как легко заметить, идет в русле рассуждений Дидро на ту же тему.

В российском литературоведении парадокс о мандарине чаще всего упоминается в связи с романом Достоевского «Преступление и наказание» (1866). В каком-то «плохоньком трактиришке» Раскольников случайно слышит разговор студента с молодым офицером: «С одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет. <...> Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленье тысячи добрых дел? За одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика!» [Достоевский, 1973, т. 6, с. 54].

В качестве литературного источника этого разговора указывают разговор Растиньяка с Бьяншоном, ссылаясь на фрагмент из набросков Достоевского к Пушкинской речи (1880): «У Бальзака в одном романе один молодой человек в тоске перед нравственной задачей, которую не в силах еще разрешить, обращается с вопросом к любимому своему товарищу, студенту, и спрашивает его: “Послушай, представь себе, ты нищий, у тебя ни гроша, и вдруг где-то там, в Китае, есть дряхлый, больной мандарин, и тебе стоит только здесь, в Париже, не сходя с места, сказать про себя: умри, мандарин, и за смерть мандарина тебе волшебник пошлет сейчас миллион, и никому это неизвестно и, главное, в Китае...”. Вот вопрос, и вот ответ: “Est-il bien vieux ton

Mandarin? Eh bien, non, je ne veux pas”¹. Вот решение французского студента» [Достоевский, 1984, с. 288].

Прежде всего отметим, что Достоевский подредактировал ответ Бьяншона. У Бальзака (а также у Шатобриана) глубокая старость мандарина рассматривается как возможное *смягчающее* обстоятельство его умерщвления. Достоевский продолжает: «Скажите, могла ли решить Татьяна иначе, чем этот бедный студент <...>?» [Достоевский, 1984, с. 288]. Как известно, в Пушкинской речи Достоевский подредактировал и «Евгения Онегина», представив большим стариком вовсе не старого мужа Татьяны, а решение Татьяны остаться с ним мотивировал тем, что она не может основать свое счастье «на слезах <...> обесчещенного старика» [Достоевский, 1984, с. 142].

Но более важно то, что в «Преступлении и наказании», в сущности, нет парадокса о мандарине: убийство совершается лично Раскольниковым, причем самым кровавым способом и вовсе не ради социальной карьеры. Моральная дилемма в подслушанном им трактирном разговоре также ставится иначе: могут ли тысячи добрых дел оправдать «крошечное преступленье», возможна ли вообще «моральная арифметика»? Эта дилемма рассматривалась в «Теории нравственных чувств» Адама Смита, и ответ давался тот же, что у Достоевского: «Человек ни в коем случае не смеет отдавать себе предпочтение перед прочими людьми в той мере, которая причинит им вред ради личной пользы, хотя бы последняя и была несравненно значительнее, чем наносимый им вред. Бедный не смеет ни украсть у богатого, ни обмануть его, хотя то, что приобретается им в таком случае, имеет несравненно большую ценность для него, нежели для человека, которому причиняется вред» [Смит, 1997, с. 143].

«Тема Раскольникова» предвосхищена у Бальзака не столько в разговоре о мандарине, сколько в аргументации Вотрена, убеждающего Растиньяка совершить преступление: «На каждый миллион в людском стаде сыщется десяток молодцов, которые ставят себя выше всего, даже законов; таков и я. Если вы человек высшего порядка, смело идите прямо к цели» [Бальзак, 1952, т. 3, с. 99]. Именно такова глубинная мотивация преступления Раскольникова: не личная выгода и не «тысячи добрых дел», а самоутверждение в качестве «человека высшего порядка», способного «переступить через кровь». Судьба Раскольникова также предсказана в «Отце Горио»: «Для этого, доро-

¹ Он стар, твой мандарин? Но нет, я не хочу! (*фр.*).

гой мой, надо быть Александром, в противном случае угодишь на ка-торгу» (Бьяншон – Растиньяку) [Бальзак, 1952, т. 3, с. 124].

С середины XX в. в сюжете о дистанционном убийстве незнакомца чаще всего фигурирует кнопка. В детективном романе французского писателя Рене Реувена «Кнопка для убийства мандарина» (1976) сбываются самые губительные желания героини, включая исчезновение нелюбимого мужа [Réouven, 1976].

В 1970 г. в журнале «Playboy» была напечатана короткая новелла Ричарда Мэтисона «Кнопка, кнопка» (в русском переводе: «Нажмите кнопку»). Супруги получают от некоей компании коробку с единственной кнопкой. Представитель компании поясняет: «Если вы нажмете кнопку, где-то в мире умрет незнакомый вам человек, и вы получите пятьдесят тысяч долларов» [Матисон, 1988, с. 694]. Муж с негодованием отказывается, но жена втайне от него нажимает на кнопку. В тот же день она узнает, что ее муж погиб в результате несчастного случая и что она может получить страховую выплату за его жизнь: 50 тысяч долларов. В финале новеллы представитель компании, от которой супруги получили коробку с кнопкой, спрашивает вдову: «Неужели вы в самом деле думаете, что знали своего мужа?» [Матисон, 1988, с. 699].

Впоследствии Мэтисон рассказывал, что идею новеллы подсказала ему жена, которой подобный вопрос задал ее преподаватель в ходе занятий в колледже [The Twilight Zone]. По всей вероятности, преподавателю был хорошо известен парадокс о мандарине.

В 1986 г. по мотивам новеллы Мэтисона был снят эпизод сериала «Сумеречная зона»; здесь героиня убивает не мужа, а неизвестного ей человека, т.е. восстановлен традиционный сюжет. В 2009 г. по мотивам той же новеллы был снят полнометражный фильм «Посылка» («The Box») с гораздо более сложным сюжетом, а в 2019 г. – 21-й эпизод сериала «Saspiens» под названием «Убить мандарина», где вместо супругов фигурируют сестры.

«Убийство мандарина», в сущности, – метафора «преступления без наказания», «преступления, лишённого традиционных отгалкивающих атрибутов: кровопролития, мук жертвы» [Еремина, 1985, т. 1, с. 5–22]. Этическая проблема, поставленная философами XVIII в., получила широкую разработку в литературе XIX в., а затем была воспринята позднейшей массовой культурой – чаще всего в игровой форме и скорее в развлекательном, чем в моралистическом плане.

Список литературы

Бальзак О. де. Отец Горюи / пер. Е. Корша // *Бальзак О. де.* Собр. соч.: в 15 т. – М.: Худож. лит., 1952. – Т. 3. – С. 5–253.

Беннет А.Е. Убийство мандарина / пер. Э. Боровика // *Беннет А.Е.* Львиная доля: Рассказы. – М.: Худож. лит., 1965. – С. 99–112.

Будагов Р.А. История слова «мандарин» и этическая дилемма Бальзака // *Русский язык в школе.* – М., 1968. – № 2. – С. 79–82.

Дидро Д. Письмо о слепых в назидание зрячим / пер. П.С. Юшкевича // *Дидро Д.* Собрание сочинений: в 10 т. – М.; Л., 1935. – Т. 1. – С. 221–278.

Дидро Д. Разговор отца с детьми, или Как опасно возомнить себя выше законов / пер. Г.И. Ярхо // *Дидро Д.* Собрание сочинений: в 10 т. – М.; Л., 1937. – Т. 4. – С. 20–52.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972. – Т. 5. – 325 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1973. – Т. 6: Преступление и наказание. – 423 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1984. – Т. 26. – 423 с.

Дюма А. Граф Монте-Кристо: роман в 2 т. / пер. Л. Олавской и В. Строева. – М.: Правда, 1990. – Т. 1. – 702 с.

Еремина С. Трагические комедии Эсы де Кейроша // Эса де Кейрош Ж.М. Избранные произведения: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1985. – Т. 1. – С. 5–22.

Лабрюейр Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века / пер. Ю. Корнеева и Э. Линецкой // *Ларошфуко Ф. де.* Максимы; Паскаль Б. Мысли; Лабрюейр Ж. де. Характеры. – М.: Худож. лит., 1974. – С. 187–514.

Матисон [Мэтисон] Р. Нажмите кнопку / пер. В. Баканова // Современная фантастика: Повести и рассказы советских и зарубежных писателей. – М.: Книж. палата, 1988. – С. 693–699.

Платон. Государство / пер. А. Н. Егунова // *Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – Т. 3, ч. 1. – С. 97–494.

Реизов Б.Г. Бальзак: сб. статей. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. – 330 с.

Руссо Ж.Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1981. – Т. 1. – 656 с.

Смит А. Теория нравственных чувств / пер. П.А. Бибикина, отредактированный А.Ф. Грязновым. – М.: Республика, 1997. – 351 с.

Толстой Л.Н. О голоде // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 30 т. – М.: Худож. лит., 1954. – Т. 29. – С. 86–116.

Туниманов В.А. Отзвуки романа О. Бальзака «Отец Горио» в творчестве Ф.М. Достоевского // *Художественное сознание и действительность: межвуз. сб.* – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – С. 302–322.

Фрейд З. В духе времени о войне и смерти / пер. А.М. Боковикова // *Фрейд З. Собрание сочинений: в 10 т.* – М.: СТД, 2007. – Т. 9. – С. 34–60.

Херлт Й. «На каком расстоянии кончается человеколюбие?» Толстой и Достоевский в 1877 году: социальная эпистемология романа // *Новое литературное обозрение.* – М., 2019. – № 1. – С. 42–61.

Ésa de Keïroui Ж.М. Мандарин // *Ésa de Keïroui Ж.М.* Кузен Базилио; Мандарин; Город и горы. – М.: АСТ, 2002. – С. 429–503.

Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. С.И. Церетели // *Юм Д. Сочинения: в 2 т.* – М.: Мысль, 1996. – Т. 1. – С. 53–656.

[*Balzac H. de.*] *Argow le pirate.* – Paris: H. Souverain, 1837. – Т. 1. – 368 p. – (На титуле псевд.: *Horace de Saint-Aubin.*)

Braddon M.E. *Sir Jasper's Tenant.* – Leipzig: B. Tauchnitz, 1866. – Vol. 2. – 312 p.

Chateau H. *Manuel de l'arriviste: Papiers trouves chez un de nos plus notoires contemporains.* – Paris: Villerelle, 1901. – 235 p.

Chateaubriand F.-R. de. *Essai sur la littérature anglaise.* – Paris: Penaud, 1843. – 488 p.

Chateaubriand F.-R. de. *Le Génie du christianisme, ou Beautés de la religion chrétienne.* – Lyon: Ballanche, 1804. – Т. 2. – 232 p.

Delon M. *De Diderot à Balzac, le paradoxe du mandarin* // *Revue italienne d'études françaises* [Сетевое издание]. – Open Edition, 2013. – N 3. – Mode of access: <http://journals.openedition.org/rief/248> (дата обращения: 19.11. 2019).

Delvau A. *L'Héritier du mandarin: Journal d'un homme pauvre devenu riche* // *Delvau A.* *A la porte du paradis.* – Paris: Faure, 1867. – P. 283–296.

Didier U. [Vrignault H.] *Héritier du mandarin.* – Paris: Blériot, 1864. – 294 p.

Fox L. *Tuer le mandarin: Reponses [II]* // *L'intermédiaire des chercheurs et curieux.* – Paris, 1879. – Т. 12, N 276, 10 November. – Col. 647–648.

Hannay J. *Singleton Fontenoy, R.N.* – London: Colburn, 1850. – Vol. 3. – 285 p.

Hanotte-Zawiślak A. *Le retour du «paradoxe du mandarin» dans la construction de l'arriviste littéraire au XIXe siècle* // *Cahiers ERTA* [сетевое издание]. – 2019. – N 18. – P. 9–23. – Mode of access: <http://www.ejournals.eu/CahiersERTA/2019/Numero-18/art/14341> (дата обращения: 19.11. 2019).

Hayot E. *The Hypothetical Mandarin: Sympathy, Modernity, and Chinese Pain.* – Oxford; New York: Oxford Univ. press, 2009. – 278 p.

Jacobs W.W. *The Monkey's Paw* [Электронный ресурс]. – Mode of access: [https://en.wikisource.org/wiki/The_Lady_of_the_Barge_\(short_story\)](https://en.wikisource.org/wiki/The_Lady_of_the_Barge_(short_story)) (дата обращения: 19.11. 2019).

- Joliet C.* Mille jeux d'esprit. – 4 e éd. – Paris: Hachette, 1893. – 216 p.
Le Petit Larousse illustré. – Paris: Larousse, 2007. – 1918 p.
- Littré E.* Grand Dictionnaire Universel du XIXe Siecle. – Paris: Administration de Grand Dictionnaire Universel, 1878. – T. 6: Supplément. – 1322 p.
- Loubens D.* Les proverbes et locutions de la langue française. – Paris: Delagrave, 1888. – 304 p.
- Monnier A.H., Martin E.* As-tu tué le Mandarin?: Comédie en un acte mêlée de chant. – Lagny: Vialat, 1855. – 24 p.
- M. Ulbach, Mlle Ulliac-Trémadeure, M. Vitu // L'Année littéraire et dramatique. – Paris, 1861. – P. 149–153. – Подпись: U V.
- Pompery E. de.* Le vrai Voltaire: l'homme et le penseur. – Paris: Agence générale de librairie, 1867. – 492 p.
- Pontmartin A. de.* La Mandarine. – Paris: M. Lévy, 1873. – 335 p.
- Princess's [Theatre] // The Musical World. – London, 1857. – Vol. 35, N 47. – P. 752.
- Reik T.* Curiosities of the Self: Illusions We Have about Ourselves. – New York: Farrar, Straus & Giroux, 1965. – 211 p.
- Réouven R.* Le bouton du mandarin. – Paris: Denoël, 1976. – 166 p.
- Savignac A de.* Exposition des produits de l'industrie de 1839: (Deuxième article) // Journal des demoiselles. – Paris, 1839. – T. 7, N 7, Juillet. – P. 217–219.
- The Twilight Zone [сетевой ресурс]. – Mode of access: [https://en.wikipedia.org/wiki/Button,_Button_\(The_Twilight_Zone\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Button,_Button_(The_Twilight_Zone)) (дата обращения: 19.11.2019).
- Vitu A.-C.-J.* Contes à dormir debout. – Paris: Hachette, 1860. – 311 p.

References

- Balzac, H. de. (1952). *Otec Gorio*, per. E. Korsha. In Bal'zak O. de. *Sobr. soch.* (Vol. 3) (pp. 5–253). Moscow, Hudozh. lit.
- Bennet, A.E. (1965). *Ubijstvo mandarina*, per. E. Borovika. In Bennet A.E. *L'vinaya dolya: Rasskazy* (pp. 99–112). Moscow, Hudozh. lit.
- Budagov, R.A. (1968). Istoriya slova «mandarin» i eticheskaya dilemma Bal'zaka. *Russkij yazyk v shkole.* (2), 79–82.
- Diderot, D. (1935). *Pis'mo o slepyh v nazidanie zryachim*, per. P.S. Yushkevicha. In Didro D. *Sobranie sochinenij* (Vol. 1) (pp. 221–278). Moscow; Leningrad.
- Didro, D. (1937). *Razgovor otca s det'mi, ili Kak opasno vozomnit' sebya vyshe zakonov*, per. G.I. Yarho. In Didro D. *Sobranie sochinenij* (Vol. 4) (pp. 20–52). Moscow; Leningrad.
- Dostoevskij, F.M. (1972). *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 5). Leningrad: Nauka.

Dostoevskij, F.M. (1973). *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 6): *Prestuplenie i nakazanie*. Leningrad: Nauka.

Dostoevskij, F.M. (1984). *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 36). Leningrad: Nauka.

Dumas, A. (1990). *Graf Monte-Kristo: Roman*. (Vol. 1), per. L. Olavskoj i V. Stroeva. Moscow: Pravda.

Eremina, S. (1985). *Tragicheskie komedii Esy de Kejrosha*. In Esa de Kejrosh Zh.M. *Izbrannye proizvedeniya* (Vol. 1). Moscow.

La Bruyère, J. de. (1974). *Haraktery, ili Nravy nyneshnego veka*, per. Yu. Korneeva i E. Lineckoj. In La Rochefoucauld F. de. *Maksimy*; Pascal B. *Mysl'i*; La Bruyère J. de. *Haraktery* (pp. 187–514). Moscow: Hudozh. lit.

Matison, R. (1988). *Nazhmite knopku*, per. V. Bakanova. In *Sovremennaya fantastika: Povesti i rasskazy sovetskih i zarubezhnyh pisatelej* (pp. 693–699). Moscow: Knizh. palata.

Plato, (2007). *Gosudarstvo*, per. A.N. Egunova. In Platon. *Sobranie sochinenij* (Vol. 3, ch. 1) (pp. 97–494). Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.

Reizov, B.G. (1960). *Bal'zak: Sb. statej*. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta.

Rousseau, J.-J. (1981). *Pedagogicheskie sochineniya* (Vol. 1). Moscow: Pedagogika.

Smith, A. (1997). *Teoriya nravstvennyh chuvstv*, per. P.A. Bibikova, (A.F. Gryaznovym. Ed.). Moscow: Respublika

Tolstoj, L.N. (1954). *O golode*. In Tolstoj L.N. *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 29) (pp. 86–116). Moscow: Hudozh. lit.

Tunimanov, V.A. (2004). *Otvzuki romana O. Bal'zaka «Otec Gorio» v tvorcestve F.M. Dostoevskogo*. In *Hudozhestvennoe soznanie i dejstvitel'nost': Mezhvuz. sb.* (pp. 302–322). Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.

Freud, Z. (2007). *V duhe vremeni o vojne i smerti*, per. A.M. Bokovikova. In Z. Frejd. *Sobranie sochinenij* (Vol. 9) (pp. 34–60). Moscow: STD.

Herlt, J. (2019). «Na kakom rasstoyanii konchaetsya chelovekolyubie?» Tolstoj i Dostoevskij v 1877 godu: social'naya epistemologiya romana. In *Novoe literaturnoe obozrenie* (1) 42–61.

Eça de Queiroz, J.M. (2002). *Mandarin*. In Eça de Queiroz J.M. *Kuzen Bazilio; Mandarin; Gorod i gory* (pp. 429–503). Moscow: AST.

Hume, D. (1996). *Traktat o chelovecheskoj prirode*, per. S.I. Cereteli. In D. Yum *Sochineniya* (Vol. 1) (pp. 53–656). Moscow: Mysl'.

Balzac, H. de. (1837). *Argov le pirate*. (Vol. 1). Paris: H. Souverain.

Braddon, M.E. (1866). *Sir Jasper's Tenant*. (Vol. 2). Leipzig: B. Tauchnitz.

Chateau, H. (1901). *Manuel de l'arriviste: Papiers trouves chez un de nos plus notoires contemporains*. Paris: Villerelle.

Chateaubriand, F.-R. de. (1843). *Essai sur la littérature anglaise*. Paris: Penaud.

Chateaubriand, F.-R. de. (1804). *Le Génie du christianisme, ou Beautés de la religion chrétienne*. (Vol. 2). Lyon: Ballanche.

Delon, M. (2013). De Diderot à Balzac, le paradoxe du mandarin. *Revue italienne d'études françaises [Семевое издание]*. Open Edition (3). Retrieved from: <http://journals.openedition.org/rief/248>.

Delvau, A. (1867). L'Héritier du mandarin: Journal d'un homme pauvre devenu riche. In A. Delvau *A la porte du paradis* (pp. 283–296). Paris: Faure.

Didier, U. [Vrignault H.] (1864). *Héritier du mandarin*. Paris: Blériot.

Fox, L. (1879). Tuer le mandarin: Reponses [II]. In *L'intermédiaire des chercheurs et curieux* (Vol. 12/276) (col. 647–648). Paris 10 November.

Hannay, J. (1850). *Singleton Fontenoy, R.N.* (Vol. 3). London: Colburn.

Hanotte-Zawiślak, A. (2019). *Le retour du «paradoxe du mandarin» dans la construction de l'arriviste littéraire au XIXe siècle*. In *Cahiers ERTA [семевое издание]* (18) (pp. 9–23). Retrieved from: <http://www.ejournals.eu/CahiersERTA/2019/Numero-18/art/14341>.

Hayot, E. (2009). *The Hypothetical Mandarin: Sympathy, Modernity, and Chinese Pain*. Oxford; New York: Oxford Univ. press.

Jacobs, W.W. (2019). *The Monkey's Paw [Электронный ресурс]*. Retrieved from: [https://en.wikisource.org/wiki/The_Lady_of_the_Barge_\(short_story\)](https://en.wikisource.org/wiki/The_Lady_of_the_Barge_(short_story)).

Joliet, C. (1893). *Mille jeux d'esprit*. Paris: Hachette.

(2007). *Le Petit Larousse illustré*. Paris: Larousse.

Littre, E. (1878). *Grand Dictionnaire Universel du XIXe Siecle*. (Vol. 6). Paris: Administration de Grand Dictionnaire Universel.

Loubens, D. (1888). *Les proverbes et locutions de la langue française*. Paris: Delagrave.

Monnier, A.H., Martin, E. *As-tu tué le Mandarin?: Comédie en un acte mêlée de chant*. Lagny: Vialat.

Ulbach, M. (1861). Mlle Ulliac-Trémadeure, M. Vitu. In *L'Année littéraire et dramatique* (pp. 149–153). Paris.

Pompery, E. de. (1867). *Le vrai Voltaire: l'homme et le penseur*. Paris: Agence générale de librairie.

Pontmartin, A. de. (1873). *La Mandarine*. Paris: M. Lévy.

(1857). Princess's [Theatre]. In *The Musical World* (Vol. 35/47). London.

Reik, T. (1965). *Curiosities of the Self: Illusions We Have about Ourselves*. New York: Farrar, Straus & Giroux.

Réouven, R. (1976). *Le bouton du mandarin*. Paris: Denoël.

Savignac, A. de. (1839). Exposition des produits de l'industrie de 1839: (Deuxième article). In *Journal des demoiselles* (Vol. 7/7) (pp. 217–219). Paris, Juillet.

(2019) *The Twilight Zone [семевоу пєсыпє]*. Retrieved from: [https://en.wikipedia.org/wiki/Button,_Button_\(The_Twilight_Zone\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Button,_Button_(The_Twilight_Zone)).

Vitu, A.-C.-J. (1860). *Contes à dormir debout*. Paris: Hachette.